

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГГ. — НАЧАЛА XXI В.

.....

А. Н. Еремеева¹

Проблема социальной мобильности отечественных ученых в условиях кардинальных преобразований в последние двадцать лет привлекает внимание в большей степени социологов, политологов, специалистов по социальной философии. Значительная часть работ посвящена кризису российской науки, его материальному, психологическому и функциональному аспектам и потенциальным последствиям [12; 20; 21]. Одна из популярных тем исследований — ученые и политика: роль ученых в идеологическом обосновании реформ, их практическом осуществлении. Отдельные исследователи сконцентрировали внимание на анализе причин «бегства» ученых в политику и бизнес, факторах, способствующих и препятствующих успешной интеграции представителей научного сообщества в политическую и бизнес-элиты [11; 16–20]. Немало работ посвящено «утечке умов» из России и стран СНГ. Авторы касаются масштабов процесса, «выталкивающих» факторов, структуры выезжающего потока [9; 10; 13; 15].

В изучении истории научной интеллигенции, в том числе новейшего времени, значительный потенциал содержит устная история. Биографические интервью с крупными отечественными учеными формируются и хранятся сотрудниками Центра «Архив науки и техники» при Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. Устно-

¹ Еремеева Анна Натановна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Электронная почта: erana@mail.ru.

Статья написана в рамках исследования, выполняемого по гранту РГНФ, проект № 06-03-00359а «Метод устной истории в исследовании регионального научного сообщества».

Статья принята к публикации 14.02.2007 г.

исторический проект по исследованию регионального научного сообщества Краснодарского края реализуется автором данной статьи при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Биографические интервью с учеными региона позволяют понять и факторы, влияющие на социальную мобильность научной интеллигенции в условиях общественных трансформаций последних десятилетий [5; 7].

Начнем с краткого анализа роли и места ученых в событиях и процессах конца 1980-х — начала 1990-х гг. «Перестройка», которую принято называть горбачевской по фамилии инициатора и главного действующего лица, была во многом детищем интеллигенции, в том числе ученых. Именно они формировали общественное сознание, критикуя экономические и социальные основы системы, ее идеологию; они инициировали дискуссии по вопросам плана и рынка.

Науковед А.В. Юревич сравнивает роль идеологов реформ, в качестве которых выступили ученые А. Яковлев, Н. Шмелев, О. Лацис, В. Селюнин и др., с ролью просветителей в подготовке Великой французской революции. Представители поколения «шестидесятников», многие из которых достигли высоких постов в партийно-государственных структурах и высокого статуса в науке, стали на два-три перестроечных года «властителями дум». Объектом воздействия этих ученых было массовое сознание в целом, средством — публицистические статьи в «толстых» журналах, в результате чего их просветительская деятельность обычно обозначается как «докторская публицистика» [19, с. 89]. Манифестом радикально-перестроечных сил стала книга «Иного не дано» (1988). Страна зачитывалась публицистическими статьями ученых. По популярности они могли соперничать только с «перестроечными» бестселлерами А. Рыбакова, В. Дудинцева, Д. Гранина, М. Шатрова.

Важным фактором формирования дискурса «перестройки» стала деятельность социологов, в том числе таких ведущих специалистов, как Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, Ю.А. Левада, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. В конце 1987 г. был создан Всесоюзный центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ). В 1988 г. Центр начал включать в свои анкеты вопросы, направленные на выяснение отношения советских граждан к однопартийной системе, наследию сталинизма, В.И. Ленину, Октябрьской революции, коллективизации, социализму и партийным лидерам.

Научная интеллигенция активно включалась в деятельность разнообразных «проперестроечных» общественных организаций. Так, в организованном летом 1987 г. Ленинградском межпрофессиональном клубе «Перестройка» более половины составляли кандидаты наук. Клуб проводил диспуты, тематика которых говорила сама за себя: «План и рынок: вместе или против» (ведущий — кандидат экономических наук А.Б. Чубайс), «Тупики административной системы» и др. [3, с. 297]. Среди инициаторов создания «народных фрон-

тов», призванных содействовать курсу партии на перестройку, — академик, президент Советской социологической ассоциации Т.И. Заславская.

Солидарность в негативной оценке советского прошлого проявляли далеко не все. Наиболее ярким примером охранительного направления стало скандально известное письмо старшего преподавателя кафедры физической химии Ленинградского технологического института Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованное в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 г. Именно этот манифест антиперестроечных сил обозначил резкую поляризацию двух сил — консерваторов и радикал-реформаторов.

Весной 1989 г. поднялась беспрецедентная волна протестов против деятельности высшего руководства Академии наук СССР. Отказ Президиума Академии выдвинуть кандидатами в народные депутаты СССР ряда видных ученых, включая А.Д. Сахарова и Р.З. Сагдеева, вызвал демонстрацию протеста [3, с. 214]. В итоге требования демонстрантов были удовлетворены.

Народными депутатами стали ранее известные лишь в научной среде А.А. Собчак, С.Б. Станкевич, Ю.Н. Афанасьев. В июле 1989 г. была создана межрегиональная депутатская группа, в которую входили Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, В.А. Пальм, Г.Х. Попов, А.Д. Сахаров (последнему в 1986 г. было разрешено возвратиться из Горького в Москву). Абсолютное большинство в ней составляли ученые. Члены межрегиональной группы возглавили растущую в стране оппозицию власти и требовали полного уничтожения советской политической системы.

Начиная с 1991 г. на первый план вышел другой тип ученых — «реформаторы», которые, подчас действуя как идеологи, отличались от «архитекторов перестройки» тем, что сами свои идеологемы и реализовывали. «Реформаторы», в отличие от своих предшественников, были сравнительно молоды, имели в основном не докторские, а кандидатские ученые степени, и оттеснение ими «архитекторов перестройки» выглядело как «революция кандидатов» [19, с. 89], «завлабов и младших научных сотрудников» [3, с. 295]. Большинство «реформаторов» были советскими экономистами — А.Б. Чубайс, Е.Т. Гайдар (один из немногих докторов наук в этой плеяде), Г.А. Явлинский, И.М. Хакамада и др.

С 1990 г. первым заместителем, а в 1991–1993 гг. председателем Верховного Совета РСФСР был профессор Института народного хозяйства им. Плеханова Р.И. Хасбулатов (в 1991 г. вновь образованная Российская академия наук избрала его своим членом-корреспондентом). В высших законодательных и исполнительных структурах власти уверенно прописались доктор наук Б.А. Березовский (он, как и Хасбулатов, в 1991 г. был избран членом-корреспондентом РАН), С.Ю. Глазьев, Р.Г. Абдулатипов и др.

Подобные процессы были характерны и для регионов. Е.П. Алешин — директор Всесоюзного научно-исследовательского института риса (г. Краснодар)

был избран народным депутатом СССР (1987 г.). Несколько раз баллотировался в депутаты различных уровней, хотя и безрезультатно, его сын — исполнительный директор того же института, доктор сельскохозяйственных наук Н.П. Алешин. Археолог, доцент Кубанского госуниверситета А.М. Ждановский в 1991–1994 гг. был председателем Краснодарского краевого совета народных депутатов, в 1994–1996 гг. — заместителем главы администрации Краснодарского края. Специалист по дореволюционной истории Кубани, доцент того же университета В.П. Громов почти два десятка лет является лидером казачьего движения на Кубани. Подобные примеры можно продолжить.

Отдельные кубанские ученые ныне известны как религиозные деятели. Востоковед, доцент Кубанского государственного университета В.Г. Кукуян стал священником Армянской Апостольской Церкви. Упомянутый Н.Е. Алешин, ныне капеллан Международного Евангелического Альянса, регулярно выступает с обращениями о неразрывной связи демократической политики с евангельским христианством.

Привлекательной сферой приложения сил для ученых стал *бизнес*. Уже в конце 1980-х гг., когда предпринимательская активность в нашей стране только начинала разворачиваться, в различных кооперативах, совместных и малых предприятиях трудилось свыше 100 тыс. бывших ученых, которые более оперативно, чем представители большинства других категорий населения (за исключением партийных и комсомольских работников), отреагировали на свободу предпринимательства. В начале 1990-х гг. примерно треть руководителей крупных коммерческих структур составляли бывшие научные сотрудники [18, с. 101].

Наиболее заметная и одновременно скандально известная фигура ученого-бизнесмена — Б.А. Березовский. Заведующий сектором Института проблем управления АН СССР, доктор физико-математических наук, защитивший докторскую диссертацию в возрасте 37 лет по одному из разделов теории принятия решений, лауреат премии Ленинского комсомола, он в полной мере использовал свой научный потенциал в условиях экономического хаоса времен «перестройки». ЛогоВаз, Автомобильный Всероссийский Альянс, ОРТ — эти и другие бизнес-проекты, а также политическая деятельность Б.А. Березовского неоднозначно (в основном негативно) оцениваются в СМИ. Однако сам факт успешной инсталляции талантливого и амбициозного советского ученого в формирующуюся рыночную экономику красноречив.

Герой недавних судебных разбирательств по поводу строительства элитной курортной зоны «Русская Швейцария» в Подмосковье В.В. Бойко, бывший сотрудник НПО «Астрофизика», Института ядерной физики МГУ, в 1992 г. создал и возглавил компанию «Вашь Финансовый Попечитель», успешно работающую в течение 15 лет.

Далеко не все ученые нашли себя в политике и бизнесе; многие изначально не собирались порывать с наукой, несмотря на сложные условия. Как известно, на рубеже 1990-х гг. отечественная наука в одночасье осталась без финансовых, организационных и информационных ресурсов, брошенная и властью, и «научной бюрократией». Кризис усугубляло и то, что само сообщество не располагало ни опытом, ни даже психологической готовностью к солидарному поведению в борьбе за собственное выживание [6, с. 144].

Спасительной соломинкой для многих ученых стала возможность совместительства, в том числе работы в многочисленных частных вузах, где платили в несколько раз больше, чем в государственных. Известный социолог Г.С. Батыгин справедливо полагал, что официальное разрешение совместительства и неофициальное разрешение ходить на работу время от времени предотвратили маргинализацию научного сообщества. Совместительство помогло закрепить состояние перманентного кризиса и в то же время сохранить видимую социальную идентичность сотням тысяч научных сотрудников и преподавателей [2].

К середине 1990-х гг. средняя зарплата ученых составляла 70% среднего заработка в стране и лишь 17% научных работников имели заработок, превышающий официально определенный прожиточный минимум [20, с. 8]. В это же время не менее 50 % лиц, числившихся учеными, имели источники заработка за пределами науки. Не увольняясь с основного места работы, многие научные сотрудники преподавали в вузах и школах, занимались консультативной деятельностью в коммерческих структурах, переводами с иностранных языков и на них, издательской деятельностью, ремонтом квартир, извозом на собственных машинах и прочими делами [18, с. 102].

Несколько смягчила остроту кризиса поддержка иностранных, а затем и федеральных (РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований, РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд и др.) научных фондов. Грантовое финансирование позволило гарантировать работающим ученым минимальные условия для исследований в новых экономических реалиях, облегчило возможность международных научных контактов. В российских вузах появились соросовские профессора и доценты. Среди соросовских профессоров кубанских вузов — видный физиолог В.М. Покровский, один из основоположников физической школы региона В.Ф. Писаренко, ректор КубГУ, академик РАН В.А. Бабешко.

Отдельные ученые (наиболее активные, владеющие иностранными языками) стали ездить на долгосрочные и краткосрочные стажировки в зарубежные вузы.

Отношение к тем, кто использовал возможности финансирования для проведения исследований (особенно с помощью зарубежных фондов), в среде коллег было неоднозначным. Нередко сообщение ученого о будущей науч-

ной стажировке сопровождалось предложением написать заявление об уходе. Отдельные ученые — статусные, привыкшие к привилегиям «по умолчанию», а потому не признающие дух состязательности в рамках конкурсов, формировали «антигрантовые» настроения в коллективе, отстаивая правильность стимулирования труда ученых только через традиционную заработную плату.

Финансовые трудности стимулировали разрастание теневой деятельности среди ученых. Для многих преподавателей вузов стала нормой торговля оценками на вступительных и семестровых экзаменах. Отдельные ученые связаны тесными узами с криминальным бизнесом.

Неизбежной реакцией на новые экономические условия стали попытки коммерциализации российской науки, рыночных способов ее организации. Один из способов — создание (как правило, на базе университетов) научных парков, а также родственных им структур, технополисов и бизнес-инкубаторов, призванных стимулировать инновационную деятельность в университетах, активизировать структурные сдвиги в экономике региона, повышать благосостояние университета и научных сотрудников в целом через эффективное и рациональное использование его научного и кадрового потенциала вуза. Работа научного парка в идеале должна строиться таким образом, чтобы ученые могли заниматься бизнесом, не оставляя научной и преподавательской деятельности в университете. Технопарки формируются и на базе кубанских вузов — Кубанского государственного и Кубанского государственного аграрного университетов.

Одной из адаптационных практик ученых в условиях кризисного социума стала *эмиграция*. Информация о масштабах «утечки умов» из России — отрывочная и неточная. Это связано с тем, что многие российские ученые формально не эмигрируют за рубеж, а уезжают на работу по контракту, хотя временный статус такой работы порой перерастает в постоянный. В. Калинушкин, председатель Профсоюза научных работников России, полагает, что с 1993 по 2003 г. работу за рубежом нашли от 500 тыс. до 800 тыс. ученых. Западные оценки скромнее — максимальная цифра составляет 200 тыс.; по мнению же аналитиков Гарвардского университета, за период после 1991 г. лишь от 10 до 30 тыс. наших ученых покинули страну. Различия в цифрах обусловлены методами подсчета и отсутствием систематической статистики. Одни исследователи включают в интеллектуальную эмиграцию только ученых, другие — ученых и инженеров, третьи добавляют к ним программистов, четвертые — всех лиц, имеющих высшее образование. Нередко к этой категории мигрантов относят студентов и стажеров [15, с. 41].

Эмигрантами в 1990-е гг., как правило, становились способные ученые, ориентированные только на научную деятельность и не видевшие себя в бизнесе или политике (в отличие от своих более социально гибких коллег). По данным большинства аналитиков, основная причина «утечки умов» — низкий жизнен-

ный уровень, вынуждающий искать возможности заработка там, где интеллектуальный труд хорошо оплачивается, а также низкий престиж науки, отсутствие возможностей реализации себя как ученого, политическая нестабильность.

В 2004–2005 гг. автор, будучи стипендиатом программы Фулбрайта, во время наводнения в Силиконовой долине (Калифорния, США), общалась с российскими физиками и математиками, в основном 45–50-летними кандидатами наук из Академгородка, Дубны, Зеленограда, в течение последних 8–10 лет работающими программистами в американских, швейцарских и иных компаниях. Для них всех отъезд из страны был нелегким решением. Главным «выталкивающим» фактором стало закрытие (формальное или фактическое) институтов и, соответственно, тяжелые материальные условия. Большинство рассматривают свое пребывание в США как временное, понимая, что ситуация в России существенно улучшилась. Однако разговоры о возможном отъезде показались автору гипотетическими, так как дети респондентов учатся в местных школах и университетах, приобретена недвижимость или ее приобретение планируется, компании-наниматели предоставляют всевозможные льготы и т.д. В «сердце» Силиконовой долины — Стэнфордском университете, одном из самых престижных в США — также немало выходцев из бывшего СССР среди преподавателей и аспирантов. Многие из них не прерывают научных контактов с родиной.

В СМИ эмиграция ученых нередко рассматривается как невозвратная потеря, в том числе сил и средств, потраченных на образование. Отдельные авторы оценивают данное представление как достаточно тенденциозное, полагая, что «мозги утекают» только в том случае, если не существует каких-либо эффективно функционирующих форм взаимодействия с отъезжающими учеными (на уровне лекционных поездок, совместных проектов, журнальной площадки и т.д.) [10, с. 20].

Эмиграция российских ученых, особенно работавших на военно-промышленный комплекс, порождает серьезные проблемы, связанные с тайной стратегических разработок. Только за период 1991–1996 гг. из Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (Арзамас-16), являющегося ведущим российским центром по ядерным исследованиям, за рубеж выехало более 5 тыс. специалистов. За десять лет (с середины 1980-х до середины 1990-х гг.) Российский научный центр вирусологии и биотехнологии («Вектор»), занимающийся в числе прочих вопросов и разработками в области биологического оружия, покинуло 3500 чел. [15, с. 43].

В целом так называемая разгерметизация отечественного научного сообщества породила комплекс проблем, нуждающихся в эффективном и оперативном решении.

Однако не только потери, но и мощные вливания в российскую науку имели место в 1990-е гг. Значительное количество ученых переехало в Россию из

стран бывшего СССР. Не стала исключением и Кубань. Специалистам в области гуманитарных наук хорошо известны бывший профессор Ереванского технического университета В.Г. Торосян (автор рекомендованных для вузов России, изданных в Москве учебников «Концепции современного естествознания» «Высшая школа», «История образования и педагогической мысли», «Культурология. История мировой и отечественной культуры»), литературовед из Ташкентского госуниверситета Е.Ю. Третьякова, музыковед Н.Б. Туравец из Таджикского государственного института искусств (ныне она проректор по научной работе Краснодарского госуниверситета культуры и искусств) и др.

Из «горячей точки» России — Чечни — приехали на Кубань историки-кавказоведы. Профессор В.Б. Виноградов, бывший заведующий межвузовской кафедрой «История народов Северного Кавказа» сделал центром деятельности своей научной школы Армавирский педагогический институт. В.Е. Науменко, бывший заместитель директора Чечено-Ингушского НИИ истории, экономики, социологии и филологии ныне успешно разрабатывает на Кубани проблемы регионоведения.

Ситуация в обществе обусловила изменения в численности научного сообщества. Данные об этом приведены в справке «Статистика научных кадров современной России» [14].

Начиная с 1992 г., численность научных работников снижалась вплоть до 1998 г. — с 1532 до 855 тыс. чел., а с 1998 г. стала возрастать. В результате к 2001 г. она составила 58,4% от уровня 1992 г. Доля докторов наук среди научных работников в этот период устойчиво росла — от 1,8% в 1995 г. до 2,5% (или 22 тыс. чел.) в 2000 г. Доля кандидатов наук среди научных работников сначала незначительно росла — от 9,2% в 1995 г. до 10,1% в 1998 г., а затем начала медленно уменьшаться — до 9,5% (или 84,4 тыс. чел.) в 2000 г.

Большинство научных работников в современной России занято в организациях российской государственной собственности — 673,7 тыс. чел., в организациях смешанной российской собственности — 137,4 тыс. чел., а в организациях российской частной собственности всего 53,4 тыс. чел. В организациях с иностранной или смешанной (российской и иностранной) формой собственности работает 21,3 тыс. научных работников.

Во второй половине 1990-х гг. доля женщин-исследователей, занятых в науке, сократилась с 48,4 до 44%, в технических науках — с 47,8% в 1995 г. до 41,8% в 2000 г. В то же время доля женщин среди кандидатов и докторов наук выросла: среди докторов наук — с 17,2 (3,3 тыс. чел.) до 18,8% (4,1 тыс. чел.), кандидатов наук — с 31,9 (31 тыс. чел.) до 34% (28,5 тыс. чел.).

Несмотря на то что по показателям феминизации науки Россия опережает большинство стран, исследователи бьют тревогу по поводу проявлений дискриминации, выражающейся в ограниченном представительстве женщин в ор-

ганах управления наукой, в частности, научными фондами. По данным конца 1990-х гг., в совете Российского фонда фундаментальных исследований из 28 его членов не было ни одной женщины, в совете Российского гуманитарного научного фонда из 27 членов была только одна женщина (Т.И. Заславская) [1, с. 151]. В настоящее время ситуация несколько изменилась. Так, в совете РГНФ в 2006 г. из 26 членов насчитывалось 5 женщин. На майских 2006 г. выборах в Академию наук ни одна из баллотировавшихся женщин не была избрана.

Итак, общественные трансформации «перестроечных» и последующих лет стимулировали интенсивную вертикальную и горизонтальную социальную мобильность отечественных ученых. Сокращение финансирования науки, закрытие многих научных институтов, резкое снижение, по сравнению с советским периодом, материального вознаграждения за научную и научно-педагогическую деятельность, падение престижа научного труда вызвали не только уход части ученых в политику, бизнес, иные сферы деятельности, но и эмиграцию. Тем, кто продолжал и продолжает научную деятельность в России, пришлось изменить привычные модели социально-экономического поведения в соответствии с новыми требованиями институциональной среды.

Библиографический список

1. Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вестник Института истории естествознания и техники. 2000. № 1.
2. Батыгин Г.С. Невидимая граница: Грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта) // Науковедение. 2000. № 4. (<http://srv1.rsl.ru/VV/JOURNAL/SCIOLOG/GRANTYOU.HTM>.)
3. Власть и оппозиция. Российский политический процесс в XX столетии / Под ред. В.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 1995.
4. Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998.
5. Дюел Р. «Устная история» в историографии современной науки // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 4.
6. Еремеева А.Н. Женщины-ученые как объект исследования в проектах по устной истории науки // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар: б.и., 2006.
7. Еремеева А.Н. Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века: Курс лекций. СПб: Нестор, 2006.
8. Кирский Э. Параллельные миры // Отечественные записки. 2002. № 7 (8).
9. Колчинский Э.И. Наука и эмиграция: судьбы, цифры и свершения // Науковедение. 2003. № 3.
10. Куренной В. Государство, капитал и мировое научное сообщество // Отечественные записки. 2002. № 7 (8).
11. Макарычев А.С. Ученые и политическая власть // Полис. 1997. № 3.

12. Наука в России: состояние, трудности, перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 11.
13. Некипелова Е.Ф., Ушкалов И.Г., Малаха И.А. Утечка умов: масштабы, причины, последствия. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
14. Статистика научных кадров современной России» // Отечественные записки. 2002. № 7 (8).
15. Супян В. «Утечка умов»: мировые и российские тенденции // Человек и труд. 2003. № 7, 8.
16. Тихонова Н.Е. Бизнесмены поневоле // Бизнес и политика. 1997. № 2.
17. Филатов В. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4.
18. Цапенко И.П., Юревич А.В. Ученый в бизнесе // Вестник РАН. 1999. № 2.
19. Юревич А.В. Ученые в политике // Полис. 1999. № 2.
20. Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2000.
21. Юревич А.В., Цапенко И.П. Функциональный кризис науки // Вопросы философии. 1998. № 1.